

ЗНИЧКА

Рассказ

В филёнчатые двери постучали, заставив старшего оперуполномоченного Нижне-Амурского исправительно-трудового лагеря лейтенанта Вилорка Шпиндлера оторваться от бумаг и разогнать рукой папиросный дым. Окно не откроешь — сразу налетит мошкара. А она в этом году как никогда злая и голодная.

— Да?

— Разрешите, товарищ лейтенант? — В проём сунул голову усатый конвойный при ППШ. — Рябухина привёл.

— Заводи, — Шпиндлер убрал картонную папку с уголовным делом в средний ящик стола и застегнул верхнюю пуговицу кителя. Смерть Великого вождя и Учителя товарища Сталина — не повод позволять заключённым усомниться в твёрдости Советской власти. — Присаживайтесь, гражданин Рябухин.

Тощий «зэка» в засаленной тюремной робе сорвал с головы грязную мятую кепку и осторожно опустил на край грубо сколоченного табурета. Его кривые ножки были прибиты к дощатому полу.

— Дозрели до чистосердечного признания, гражданин Рябухин? Или ещё пару суток в карцере посидите?

— Не убивал я его, гражданин начальник! — с горячностью заверил заключённый, на лице которого отразился неподдельный испуг. — Век воли не видать, не убивал!.. На кой мне «мокруха», ежели товарищ Берия всем амнистию объявил?

— Может, вы кому в карты желание проиграли, — старший уполномоченный закурил, разглядывая заключённого поверх спичечного огонька. — Или для кого-нибудь грязную работёнку подрядились сделать...

— Не я это был! — Эмоциональное состояние «зэка» было неустойчивым, но резких движений он старался не делать. Лейтенанту ничего не стоило достать ТТ и пристрелить заключённого за попытку нападения. Прецеденты были.

— А кто?

«Зэка» развёл руками.

— Не хотите, значит, сотрудничать со следствием, гражданин Рябухин?.. Дело ваше. Пеняйте потом на себя.

— Не я Савина завалил, гражданин начальник, — упрямо повторил заключённый. — Я уже говорил, в то время как новенького порешили, совсем в другом месте был. Да вы у Аратуна-Напильника поинтересуйтесь — он подтвердит!

— Гражданина Назаряна Аратуна Давидовича я допросил. Он утверждает, что вы никуда не отлучались. Даже курить и до отхожего места не ходили.

— Так я о чём! — Расцвёл в малозубой улыбке «зэка». — Цельный день с «клифтами» этими деревянными проваландались. Умаялись.

— Только я ему не верю, гражданин Рябухин, — жадный взгляд заключённого на «Казбек» Шпиндлер проигнорировал. — Ваше-му брату верить нельзя. Политическим — можно, немчуре пленной... «Блатным» нельзя. Вообще. Пусть вас и считают социально близкими трудовому народу.

Лейтенант демонстративно сплюнул. И кому только в голову пришло уравнивать уголовников и трудящихся?

— Была б моя воля, давно всех «блатных» к стенке поставил бы!

— Только нет у вас ничего на меня, гражданин начальник, — «зэка» пытался скрыть за бравадой страх. Получалось плохо. Это только со слабыми они сильные.

— Ошибаетесь, гражданин Рябухин, — Шпиндлер хитро улыбнулся. Ему нравилось смотреть, как вытягивается лицо заключённого. Тот явно почувствовал, что не на «понт берут». — Отпечатки пальцев с «финки» из самодельной алюминиевой ложки вы стёрли, чужих окурков около места преступления набросали, алиби себе обеспечили...

Недоговорённость и на этот раз принесла плоды — глаза заключённого забегали. Лихорадочно пытался понять, где же он прокололся, и определялся с дальнейшей линией поведения. А лейтенант, смакуя папиросу, продолжал испытывать терпение «зэка».

— Никогда нельзя предусмотреть всего, гражданин Рябухин. Пусть ты и гений...

Ненависть заключённого буквально валила с ног — Шпиндлер аккуратно погасил «Казбек» о дно трофейной фарфоровой пельницы, налил себе воды из водочного штофа, мелкими глотками выпил. Утёр губы ладонью и лишь затем сказал:

— В грязи остался отпечаток вашего правого ботинка.

— А чего сразу моего, гражданин начальник? — Нашёл утверждение голословным «зэка». — У нас всех штиблеты одинаковые. Даже обувь у «верту...», извините, гражданин начальник, оговорился!.. Даже лагерная охрана в такой же ходит.

— При ходьбе подошва стирается. Так?

Заключённый кивнул.

— Характер, размер и интенсивность износа создают индивидуальный набор признаков, которые свойственны конкретной паре обуви, которую носил конкретный человек... Так сносить ботинки, как сносили их вы, гражданин Рябухин, никто другой не может.

«Зэка» машинально поджал босые немывые ноги под табурет.

— Ах да, у вас же могли украсть обувь... — лейтенант даже не обозначил намерения скрыть издёвку. Ни один из заключённых второй пары иметь просто-напросто не мог. Не положено. — В день убийства гражданина Савина Афанасия Петровича шёл дождь. Если б отпечаток оставили раньше, в нём собралась бы вода. Убедительно?

Ответа не последовало. «Зэка» играл желваками так, словно намеревался стереть зубы в угольный порошок.

— Вам следовало бы научиться владеть собой, гражданин Рябухин, — неожиданно для заключённого Шпиндлер протянул ему папиросу. Какое-то время «зэка» недоверчиво смотрел на «Казбек», будто ожидая, что папироса превратится в ядовитую змею и укусит его. Затем жадно сунул подачку в рот и подался вперёд, к зажжённой спичке.

— Благодарствую, гражданин начальник.

— Один из заключённых обратил внимание на то, с какой звериной ненавистью вы посмотрели на гражданина Савина. А ведь

за какие-то двадцать минут до этого гражданин Савин не вызвал у вас ни малейшего интереса.

За неимением пепельницы «зэка» стряхивал пепел в ладонь. Обгрызенные ногти «украшала» траурная кайма.

— А через два часа с небольшим гражданин Савин был убит... Нанести оскорбление кому-либо он не успел. Ваших «правил» не нарушил. В тюрьме и на «этапе» претензий к гражданину Савину ни со стороны тюремной администрации, ни со стороны заключённых не имелось... Беспричинных убийств не бывает, если только убийца не душевнобольной. Поэтому я начал искать связь между вами и гражданином Савиным. В вашем личном деле я не нашёл никаких зацепок, а вот при проверке убитого выяснились интересные факты...

«Театральную» паузу лейтенант использовал для того, чтобы прикурить «Казбек». «Зэка», зажав смятый окуроч в кулаке, молча ёрзал на табурете.

— Оказывается, гражданин Савин виновен не только в растрате бюджетных средств. Из Министерства внутренних дел мне сообщили, что в сорок четвёртом году он, будучи командиром роты партизанского отряда имени Эжена Варлена, сжёг деревню Дубровица в Полесской области БССР. Вместе со всеми жителями...

Заключённый всем своим видом показывал, что не понимает, зачем лейтенант ему рассказывает о прошлом убитого.

— Никакого стратегического значения Дубровица не имела, и немцы оставили там всего троих «полицаев». Рота Савина, а правильнее будет — Вавилова Евгения Викторовича, разгромила опорный пункт, после чего пьяные «партизаны» принялись мародёрствовать. Местные жители пытались образумить людей Вавилова, но лишь спровоцировали тех на террор... «За пособничество немецко-фашистским оккупантам» — так младший лейтенант Вавилов объяснил мотивацию своих подчинённых.

И снова пауза.

— Я тут при чём? — искренне удивился «зэка».

Одной папирсы ему было мало, но Шпиндлер больше не предложил, а просить Рябухин не отважился.

— В Белоруссии вы никогда не были, — кивнул лейтенант. — Гражданина Вавилова впервые встретили три дня назад... А мне вот, в бытность сержантом Смерша, довелось побывать на Полесье. Изумительные по своей красоте места, я вам так скажу, гражданин Рябухин...

Заключённый пожал плечами. Как и любому «блатному», всё, что не касалось его непосредственно, было «зэку» абсолютно неинтересно.

— Как сейчас помню, расположились мы на постой у одной старухи. Ей девяносто четыре или девяносто пять лет было, а она всё по хозяйству сама делала. Ещё и нас жизни поучала... Рассказала эта старуха нам одну легенду. О зничке...

Заключённый не проявил ни малейшего интереса. Шпиндлера тем не менее это не остановило.

— Бытует на Полесье поверье, что отомстить убийце, не имея возможности сделать это лично или через кого-то, можно при помощи некоей эфирной субстанции...

— Чего? — «Зэка» всё-таки слушал лейтенанта.

— Это нечто вроде туманной дымки, которая способна перелетать на огромные расстояния.

— Сама?

— Ею движет волшебство.

— Волшебство, значит...

Остриженная «под ноль» голова заключённого пришла в движение. Мимика Рябухина выдавала его сомнение в адекватности Шпиндлера. Тут кто хочешь засомневается: позиции атеизма были крепки как никогда.

— Для того чтобы пробудить зничку к жизни, необходимо нарисовать специальный знак на глине и полить его собственной кровью, а затем назвать имя убийцы.

— Гражданин начальник, а коли не знаешь, кто порешил?

«Казбек» не давал «зэка» покоя. Табак являлся одним из немногих удовольствий, доступных заключённым. Но давать Рябухину вторую папиросу лейтенант не стал. Зажирно будет.

— Старуха говорила, что можно и без имени. Достаточно было увидеть убийцу либо обладать его портретом или описанием

внешности... Зажжённая зничка тотчас улетала на поиски убийцы. Как она его находила — не знаю. В легенде об этом ничего не говорилось. Отыскав убийцу, зничка вселялась в человека из его ближайшего окружения и его руками мстила убийце. Если убийц было несколько, зничка убивала их по степени тяжести вины — от большей к меньшей... Как только месть свершалась, зничка сторала.

— Всё это интересно, гражданин начальник, — хотя при взгляде на «зэка» подобной мысли не возникало, — но на кой вы мне рассказали эту сказку?

Лёгкое раздражение — а большего заключённый позволить себе не мог — вызывало у лейтенанта улыбку.

— У человека, в котором разгорается зничка, особенные глаза... такие, как у вас, гражданин Рябухин.

— Чего? — Раздражение стало более ярко окрашенным.

«Зэка» даже привстал.

— Сидеть! — Шпиндлер хлопнул ладонью по столу, затянутому выцветшим зелёным сукном.

Заключённый бухнулся обратно на табурет и весь сжался.

— Думаете, гражданин Рябухин, я вас папиросой из большого человеколюбия угостил?.. Нет, хотел убедиться в том, что не ошибся при нашей первой встрече. Зничка боится огня. Наверное, чувствует в нём конкурента... Не сиделось в карцере, поди?

«Зэка» помотал головой.

— Это вас, гражданин Рябухин, зничка толкает на поиск других убийц... Через два месяца рота младшего лейтенанта Вавилова попала в засаду зондер-полка СС «Дирлевангер». Уцелели немногие... Теперь, гражданин Рябухин, вы не успокойтесь до тех пор, пока не убьёте всех, кто сжёт Дубровицу.

Лейтенант использовал паузу, для того чтобы переложить листы писчей бумаги на столе. А заключённый ёрзал на жёстком сиденье.

— Гражданин Вавилов не мог не прийти к нам на встречу, гражданин Рябухин. Ведь вы угрожали обо всём рассказать. Младший лейтенант готовил вам сюрприз — в кармане его робы мы обнаружили гвоздь. Таким не то что человека — быка свалить можно...

От Шпиндлера не укрылась реакция «зэка». Страх пожирал его изнутри.

— Терять ему было нечего: за массовое убийство мирных советских граждан, а ни «полицаев», ни пособников немецко-фашистских оккупантов в Дубровице не было, по головке не погладят. Повезло вам, гражданин Рябухин, успели ударить первым...

Очередная пауза.

— Эту дрянь как-нибудь можно из меня вытащить?

Не притворяется. Поверил. Как не поверить, если сознания зничка не лишает, а желание убивать совершенно незнакомых людей растёт с каждым часом?

Теперь можно и угостить заключённого «Казбеком».

— От знички не избавиться, — кристаллическая решётка цвета крови в глазах «зэка» рассыпалась от огня спички. — Она сгорит только тогда, когда умрёт последний убийца... Или тот, в ком горит зничка.

— Я не хочу умирать! — Во всхлипе заключённого слышалась детская обида.

— В здравом уме и твёрдой памяти никто не хочет.

— А в кого-нибудь другого она не может переселиться?

Подкатывала паника. Уже за одно убийство Рябухину «ломился вышак». Советский суд, конечно, самый гуманный в мире, но на аффект действия «зэка» не спишет.

— Нет, — лейтенант придвинул к заключённому пепельницу, однако тот не заметил её.

Руки «зэка» тряслись так, будто держали отбойный молоток. Сравнение некорректное — Рябухин никогда не занимался производительным трудом.

После третьей выкуренной подряд папиросы заключённый спросил, вкладывая в вопрос просьбу о помощи:

— И что мне делать, гражданин начальник?

— Готовиться к освобождению, гражданин Рябухин, — Шпиндлер улыбнулся. — На вас распространяется амнистия.

— А как же...

«Зэка» не смел верить своему счастью.

— О том, кто убил Савина-Вавилова, в курсе только мы с вами, гражданин Рябухин. Зачем ещё кому-то знать об этом?

— И вы просто так меня отпустите, гражданин начальник?

Заключённому нельзя было отказать в проницательности. Понял, что имеются подводные камни.

— Ни одна мразь из роты младшего лейтенанта не должна больше отравлять воздух своим существованием! — потребовал лейтенант, жалея о том, что не имеет возможности сделать всё сам. — Я достаточно ясно выразился?

— А вам с этого какой интерес, гражданин начальник?

— Зло не должно оставаться безнаказанным. От людского возмездия эти твари ещё долго бегать могут. От знички не уйти.

— Не боитесь, что дам дёрну?

— Не боюсь, гражданин Рябухин. Со зничкой человек больше не принадлежит себе. Пока не убьёте всех людей Вавилова, о спокойной жизни можете забыть.

— А потом что?

— Всё зависит только от вас, гражданин Рябухин. Сумеете не наследить — проживёте долго. Может быть, даже счастливо. Не сумеете... Сержант!

Появился давешний конвойный.

— Пусть оформляют документы на освобождение.

— Есть!

Конвойный терпеливо дождался, когда «зэка» на ватных ногах покинет кабинет, после чего закрыл за собой двери.

Шпндлер откинулся на спинку стула, растянул верхнюю пуговицу и закурил. Никогда не стоит открывать все карты сразу. Зачем заключённому знать о том, что он уже мёртв?

ПЕТ-БА

Рассказ

Бинго!

Анджею Каролю довелось приложить максимум усилий, для того чтобы успокоить зачастившее сердце. После трёхнедельных поисков он наконец-то нашёл то, что искал.

Не смея верить своей удаче, контент-менеджер достал из кармана шерстяного пальто пачку дорогих сигарет и дрожащими от нервного возбуждения пальцами вытянул одну, лишь каким-то чудом не сломав. Закурил, бросив оценивающе-осторожный взгляд поверх пламени бензиновой зажигалки. В его работе ошибаться нельзя.

Белобрысому мальчишке вряд ли исполнилось двенадцать, но из-за болезненной худобы он выглядел лет на десять. Порванная куртка, давно не стиранные джинсы, кеды и голодные глаза, рыскающие по прилавкам. Сбежал из дому несколько дней назад — всё ещё нуждается в сочувствии и пока не кипит от иррациональной злости на окружающий мир.

Но уже ворует по мелочи...

Глупо винить человека в том, что он хочет есть. А базарные продавцы не обеднеют, если лишатся грозди незрелых бананов, полугнилого яблока или куска шпика. С каждой следующей затяжкой мандраж отступал — Кароль расположился у стены павильона, чтобы не мешать другим посетителям и одновременно не выпускать беспризорника из виду, а тот уже определился с выбором.

Жаль, мальчишка не сирота из детского дома. Хотя с другой стороны... Каролю требовался не закалённый жизнью волчонок, а наивный и незащитный подросток. Такой, которого не испортило общество потребления.

Голод неумолимо толкал беспризорника к прилавку с колбасами, но страх быть пойманным якорем удерживал мальчишку на месте. Руки и шею покрывали не до конца сошедшие гематомы. Явно пьяный отец или отчим постарался. По лицу не бил — в школе к родителям могли возникнуть неприятные вопросы.

Дебелая тётка с обесцвеченными перекистью водорода волосами, в грязном белом халате поверх дублёнки, рассчитывала пожилую пару и не замечала нависшей над товаром угрозы. Это придало беспризорнику смелости — он с плохо скрываемым безразличием двинулся к прилавку.

Этакий кот, крадущийся к зазевавшемуся голубю...

Кароль поймал себя на мысли о том, что подавать милостыню мальчишке никто не станет — он ещё не утратил одомашненности. Хорошо, если сочтут за прихоть и не позвонят в полицию. Люди часто проявляют небезразличие, когда этого не требуется. И проходят мимо тех, кто действительно нуждается в помощи. Такова уж природа человека.

Кароль втоптал окурок в грязь, а беспризорник подскочил к прилавку и сгрёб круг домашней колбасы. Тётка, до смерти перепугав пенсионеров, закричала так, что Кароль начал опасаться за сохранность своих барабанных перепонок, и грузно перевалилась через прилавок в надежде схватить вора.

Куда там...

Мальчишка, прижимая добычу к груди и ловко лавируя в толпе, рванул к выходу с рынка. И имел бы все шансы скрыться, если б не грузчик с одутловатым лицом, который толкал тяжело нагруженную клетчатými китайскими баулами тележку. Мужчина, недолго думая, встретил беспризорника ударом кулака.

Переломившегося пополам мальчишку отбросило на добрый метр, прямо в мутную лужу. Со всех сторон посыпались ругательства — посетителей обдало холодными брызгами.

— Да я тебе руки поотрываю, говнюк! — завизжала тётка, налетая на беспризорника, как коршун на цыплёнка. Мальчишка машинально свернулся в позу эмбриона и прикрыл голову руками.

Самое время вмешаться — Кароль поспешил на выручку. Убить не убьют, а вот покалечить беспризорника могут.

— Женщина, остановитесь! — Пришлось схватить тётку за руку, иначе она нипочём не унялась бы. — Немедленно прекратите это безобразие!

Тётка с очевидной неохотой оторвалась от мальчишки и ошпарила Кароля злобным взглядом.

— А ты кто такой? Папаша его непутёвый?.. Так воспитанием нужно было раньше заниматься — тогда твой сынок не вырос бы ворюгой.

Послышались возгласы одобрения.

— Этот говнюк у меня колбасу спёр!

— Знакомый, — избрал нейтральную позицию Кароль. — Если вы не против, то я готов возместить стоимость испорченного товара.

Новая банкнота номиналом пятьдесят евро заставила тётку позабыть о размокшей колбасе. Купюра исчезла в сумке из кожаного заменителя, висевшей на необъятной груди тётки, с быстротой молнии.

— Забирай!

Кароль подал беспризорнику руку, и тот, поколебавшись, принял помощь. Зеваки, потеряв всякий интерес к происходящему, начали расходиться.

— Анджей, — представился Кароль.

Ответ последовал после паузы, показавшейся Каролю вечно-стью:

— Илья.

— Есть хочешь, Илья?

Голод переборол подозрительность, и спустя четверть часа мальчишка в новой куртке, купленной Каролем в секунд-хенде, с жадностью впивался зубами в хот-дог в закусочной, прерываясь лишь на глоток горячего чуть сладкого чая. Брюк подходящего размера у хозяина-азиата не нашлось, так что выкрученные джинсы остались.

— Доставалось от отца?

Вызывавшие изжогу запахи закусочной Кароль перебивал сигаретным дымом. Беспризорник, работая челюстями, энергично закивал. Позволив ему доест, Кароль поинтересовался:

— А мать что же?

— Ей до меня никакого дела не было. Я из многодетной семьи. Перехватив взгляд мальчишки, Кароль купил ещё хот-догов.

— Отец, когда напивается, становится дурной. Тогда на глаза ему лучше не попадаться. Он когда-то боксёром был. Да и когда

трезвый — слова лишнего не скажи. Сразу бросается с кулаками... А почему вы мне помогаете?

— Почему? — От искренности ответа зависело многое. — Юрку ты мне напоминаешь. Сына моего. Ему примерно столько же было, как и тебе, когда его обкуренный убудок на машине сбил...

— Простите, — беспризорник отложил на пластиковую тарелку надкушенный хот-дог. Ушибленную грудь мальчишка больше не потирал. То ли справился с болью, то ли не хотел выставлять себя слабаком.

— Да ты ешь, Илья, ешь. Организм у тебя молодой, растущий. Тебе энергия нужна... Извини, ничего не могу с собой поделатъ — как увижу похожего на Юрку пацана, сразу вспоминаю его. А для своего ребёнка ничего не жалко... — Кароль снова закурил, пряча за сигаретным дымом мелкий тремор рук. Зачем он вообще завёл этот разговор?

— Спасибо вам, Анджей. — Благодарность беспризорника была искренней.

Кароль грустно улыбнулся.

— Да какая это помощь? Сейчас ты допьёшь чай, а я докурю сигарету, и разбежимся в разные стороны, чтобы никогда больше не встретиться... Для меня сто евро — не деньги, за день могу в пять, в десять раз больше заработать, а кто позаботится о тебе?

— Не переживайте, Анджей. Как-нибудь справлюсь сам.

Мальчишка и сам слабо верил в собственные слова. В этом мире держался на плаву далеко не каждый взрослый.

— У тебя ведь наверняка есть родственники. — Кароль не мог просто так взять и уйти. — Уверен, кто-нибудь из них согласится взять тебя к себе.

— Я им не нужен, — беспризорнику стоило немалых сил не расплакаться. — Я никому не нужен... Никому-никому-никому... Ну и ладно!

Больше обиды, чем злости.

— Каждый человек должен быть кому-нибудь нужен, Илья, — Кароль накрыл ладонь мальчишки своей. — А знаешь что? Я тут подумал — ты можешь пожить у нас. Жена только рада будет.

Беспризорник инстинктивно подался назад, однако руку не вырвал.

— Я понимаю твой страх, Илья, и не обижусь, если ты ответишь отказом. Ты ведь видишь меня впервые в жизни. Но я был бы тебе весьма признателен... — Кароль говорил так, как будто боялся, что мальчишка не станет его дальше слушать. А то и хуже — позовёт на помощь, обозвав извращенцем. — Для моей жены это очень важно!.. Можешь и не жить, но хотя бы вещи Юркины забери. И продуктов мы тебе дадим. Много! А хочешь, возьми деньги...

Кароль, с риском разорвать внутренний карман пиджака, дёрнул портмоне.

— Не уберёг сына, так хоть тебе помогу...

— Деньги я не возьму, Анджей... — сердце Кароля сорвалось в пропасть. — Я поеду с вами. Это далеко?

— Минутах в двадцати езды от города, — расцвёл в улыбке Кароль. — Я на машине... Сейчас только позвоню жене. Она у меня готовит потрясающие блины с земляничным вареньем. Пальчики оближешь!

Пока Кароль возился со смартфоном, мальчишка доел хот-доги и допил чай, после чего навёл на столе порядок. Было видно, что не рисуется.

— Анджей, а другие дети у вас есть? — поинтересовался беспризорник, когда BMW X6 выехал из города.

— К сожалению, нет. У моей жены слабое здоровье. Врачи запретили нам заводить второго...

От избытка чувств Кароль, приопустив стекло, закурил. Всю остальную дорогу молчали. Тишину заполняло бормотание диджея с одной из множества радиостанций.

— И это ваш дом? — Глаза мальчишки округлились, а челюсть медленно поползла вниз. — Настоящий замок! Я такие только по телевизору видел.

— Нравится?

— Ага, — настороженность беспризорника ослабевала. Он с восторгом рассматривал двухэтажный кирпичный коттедж, несколько не смутившись вида четырёхметрового забора с колючей

провоолокой поверху, ворот из ударопрочной стали и камер видеонаблюдения.

— Моё предложение пожить у нас остаётся в силе, Илья, — напомнил Кароль, загоня автомобиль в гараж. — И ты волен уйти в любой момент.

Массивные роллетные ворота бесшумно коснулись металлического основания. Со щелчком сработал врезной замок.

— Тебе здесь понравится, Илья, — Кароль одарил мальчишку самой обворожительной своей улыбкой. — Уверен, всё уже готово. Пойдём, а то ещё простудишься.

— Джинсы почти высохли. У вас печка в машине горячее, чем наши батареи зимой.

— Пойдём, пойдём.

Беспризорник, уже без малейшей тени страха и сомнения, последовал за Каролем, с живым любопытством рассматривая внутреннее убранство дома. Нравилось.

— Мы с женой живём одни, так что не удивляйся, что в доме никого больше нет, — Кароль остановился перед двухстворчатыми дверьми из морёного дуба и взялся за ручки. — После тебя, Илья.

Мальчишка улыбнулся и шагнул в дверной проём, а Кароль торопливо захлопнул за ним створки и дважды провернул ключ в замочной скважине.

Всё.

Попался.

Теперь кричи не кричи — никто не услышит. Стены звуконепроходимые. Погасят даже звук взрыва авиационной бомбы. И ударную волну выдержат. На совесть строили...

Чрезвычайно довольный собой, Кароль вытащил пачку сигарет и прошествовал в кабинет, где опустился в кожаное кресло. Огромный 5К-монитор позволял рассмотреть всё, что происходило в изолированной камере, в мельчайших деталях. Никакой «тёмной комнаты». Звук был загодя отключён.

Беспризорник горланил и колотил кулачками по двери, а на него с неумолимостью надвигались Питер и Станислав. Даже без масок, костюмов из кожи и латекса, стальных шипов и паддлов двухметровые негры-бодибилдеры вызывали ужас.

— Света, — обратился Кароль к айтишнице, оккупировавшей угол у окна, — что там с клиентами?

— Собрались все.

— Отлично, — Кароль потёр руки в предвкушении куша.

В отличие от тысяч других его видеочат позволял полностью раскрепостить фантазию. Никаких ограничений — плати и заказывай всё что душе угодно.

— Охрана на месте?

— Можете не волноваться, босс.

На мониторе негры, хохоча, потащили мальчишку на середину комнаты, где стояла дыба. Беспризорник отчаянно сопротивлялся, однако это лишь придавало действию драйва. Спустя несколько мгновений на руках и ногах жертвы захлестнулись фиксаторы.

Только живой акт.

В игре по сценарию, каким бы хорошим он ни был, всегда будет присутствовать элемент искусственности. И клиенты это прекрасно чувствуют. Никто не станет платить за постановку. Тем более в век, когда практически всё уже приелось.

Айтишница начала аукцион — на мониторе Кароля отображались цифры денежных поступлений. Эти цифры интересовали Кароля больше, чем то, каких монстров выпускали из бессознательного посетители видеочата.

Изнасилование, расчленение, каннибализм, всевозможные сексуальные девиации, пытки, убийство...

За деньги позволялось абсолютно всё — Питер и Станислав без зазрения совести выполняли любой каприз клиента. И делали это с истинной любовью к ремеслу. Правда, приходилось заботиться о конспирации.

Вечер обещал быть чудесным — деньги так и сыпались на счёт. Кароль налил себе французского коньяка пятидесятилетней выдержки и поудобней устроился в кресле, затем включил Элтона Джона. То, что вытворяли негры, Кароля совершенно не интересовало.

Ещё одним минусом являлась необходимость избавляться от трупов. Казалось бы, дети бесхозные, никому не должно быть до них никакого дела, однако... Власть создавала видимость заботы о гражданах.

Группы растворяли в кислоте. Специально для этих целей в подвале был оборудован бассейн...

Клиенты тем временем входили во вкус — Питер и Станислав носились по камере, следуя всем их пожеланиям. А фантазия у заказчиков была богатой...

Процесс Кароля не занимал. Для себя он давно понял, что истинное удовольствие могут доставить только деньги. А страх — самый лучший способ их заработать.

«Goodbye Yellow Brick Road» сменил «Captain Fantastic and the Brown Dirt Cowboy» — Кароль, смакуя коньяк, даже начал подпевать. Выручка приводила контент-менеджера в восторг.

Но хотелось большей отдачи.

Чтобы, как мультяшный Скрудж МакДак, купаться в деньгах...

Мальчишка умер на «Better Off Dead», заставив Кароля грязно выругаться. Почему они всегда дохнут так быстро? Никакие уколы не помогают.

— Приберите здесь всё!

Пока негры занимались грязной работой, Кароль включил «Patience» Джорджа Майкла. Смежив веки, откинулся на спинку кресла.

Всё-таки жизнь прекрасна!

Кароль так и не понял, что заставило его открыть глаза. Питер и Станислав, стоя посреди фекалий и мочи, молча наблюдали за тем, как по стенам струится кровь. Её было много.

Слишком много...

Кароль подался к монитору.

Казалось, плачут сами стены... Кароль никогда не считал себя верующим, однако тут вдруг вспомнил о Боге и неумело перекрестился.

Кровь собиралась в лужу под изломанным телом беспризорника, рождая аналогию с магнитом, притягивающим железные опилки. Мальчишка, на глазах увеличиваясь в размерах, напITYвался кровью как губка.

А затем поднялся.

Ничего человеческого — в чертах беспризорника сквозило нечто древнеегипетское.

И тут Кароль понял, что за всё нужно платить.